

терно, что исследователи подчеркивают особенное развитие ораторских способностей у племен черноморского побережья. Для развития этих способностей почвой были народные собрания не знавших княжеской власти племен.

Древнейшие сведения об убыхах

Кавказское побережье Черного моря очень рано было заселено человеком. Археологические работы, проведенные старшим научным сотрудником Института антропологии, археологии и этнографии Академии наук СССР С.Н. Замятниным, констатируют наличие раннепалеолитических культур в Абхазии, Сочинском и Туапсинском районах. Им найдены орудия типа мустье и даже ашеля. Раннепалеолитические находки, между прочим, обнаружены по рекам Мзымта, Кудепста и Хоста. Он же нашел позднепалеолитические памятники в этом районе. Если неолитическая культура на побережье еще плохо выявлена, то этого нельзя сказать об эпохе бронзы. В Абхазии под руководством академика И.И. Мещанинова открыта Кобанская культура в погребениях долменного типа. Долмены известны и на территории исторической Убыхии. Так, зарегистрированы: у селения Головинка — один [144, с. 175]; много долменов по ущелью р. Шахе, в особенности около урочища Старый Кичмай и при устье р. Бзычь [8, с. 137; 141, с. 78]; на р. Куопсы — один [105, с. 85] и на Красной Поляне — четыре долмена [54, с. 173–176; 141, с. 78].

Из сказанного можно сделать вывод, что человек обитал на Черноморском побережье Кавказа с древнейших времен. Напомним, что ашель обычно относят ко второму межледниковому периоду.

Убыхи рассказывают о своем происхождении легенду, будто они произошли от сына скотоводческого бога Ахына (Ахын) и его шелководской красавицы-жены. Подосланные от русского царя хитростью уничтожают Ахына и крадут беременную жену. Царские слуги искусственно вызывают у нее преждевременные роды, но дитя не погибает, так как слуги Ахына поддерживают его жизнь тем, что согревают его, вкладывая внутрь зарезанного барана, все время меняя последнего. Потом малютку согревают в конском навозе и, таким образом, спасают ему жизнь. Ребенок оказался истинным джигитом, который семи лет уже выкрадывает у русского царя свою мать [59, р. 154–161].

Записанная нами в 1930 г. шапсугская легенда говорит о трех родных братьях Шапсуге, Абдзахе и Убыхе, живших на мифической прародине в урочище Тубы (в верховьях р. Белой). Когда им стало тесно, то Абдзах пошел на север, Убых — на юг, а старший брат — Шапсуг — на запад. От этих трех братьев, по словам шапсугов, и произошли шапсуги, абдзахи и убыхи [86, с. 128–129].

С начала V в., а позже — во II и I вв. до н.э. — поступают к нам греческие и римские сведения о безусловных предках абхазо-черкесов, которые уже тогда находились примерно на той же территории, где застал их XIX в. Мы имеем в виду синдов (Σίνδοι), ахеев (Ἀχαιί), керкетов (Κερχέται), торетов (Τορέται), гиниохов (Γνίνοχοι), абасков (Ἀβασαί). Выделить из этой этнической массы предков убыхов мы не можем. Скорее всего, можно предположить, что в те времена еще не сложились не только убыхи, но и черкесы и абхазы. Вместо трех позднейших народов Западного Кавказа греки и римляне знали в этом районе значительно больше. В основном мы разделяем точку зрения А. Фадеева, который говорит, что «не только до нашей эры, но и в первые века нашей эры не существовало ни абхазского, ни черкесского, ни картвельского народов» [151, с. 173]. Мы ограничимся лишь одним замечанием, которое напрашивается само собою: предки убыхов, уже в первые годы н.э., вместе с предками черкесов и абхазов, пребывали где-то в том же районе, в котором их застал XIX в. Первые намеки на убыхов доходят до нас с VI в. н.э., именно — у Прокопия Кессарийского. Он говорит: «За границей абазгов (т.е. абхазов. — Л.Л.) в Кавказских горах живут брухи (Βρούχοι), которые находятся между абазгами и аланами. На берегу Понта Евксинского сидят зихи» [125, IV, с. 208]. Адольф Дирр указал, что в самоназвании убыхов — бжэхэ — первый лабиализованно губной звук «бж» греки могли передать лишь через βρ, и, таким образом, А. Дирр в брухах VI в. видит убыхов [51, с. 313–315]. Такое утверждение мы можем принять, тем более, что брухи жили, как видно из текста, в соседстве со своими прямыми родственниками — черкесами и абхазами.

Другие исследователи в брухах пытались распознать то черкесов [110, с. 17], то абхазов (цебельдинцев) [104, с. 231], то грузин [165, с. 323]. Что касается определения местоположения брухов, то различные источники расходятся во мнениях. Например, Дестунис ограничивается неопределенным выводом, что они населяли самый хребет Кавказский [53, с. 223]; А.Н. Дьячков-Тарасов помещает их в верховьях р. Мзымты, возле перевалов Псеашха и Аишха [61, с. 38]; К.Д. Мачавариани — в позднейшей Цебельде [104, с. 231]; И. Шопен — в южных долинах Двалетии [165, с. 323]. Нам кажется, что наиболее правдоподобно предположение А.Н. Дьячкова-Тарасова. Дело в том, что еще, возможно, раньше Прокопия безымянный автор в своем подробном географическом реестре Черноморского побережья упоминает между реками Абаск и Нисия — р. Мизиг (Μίσιγγον), по его словам, раньше носившую название Брухонт (Βρούχοντ) [90, т. I, в. I, с. 278]⁹. Имея один и тот же термин, обозначающий реку и народ, мы, вполне естественно, не можем не увязать брухов

⁹ У авторов II в. н.э. (Арриан и Птолемей) имеем вместо Брухонта иную форму: Боргиус (Βόργυς) и Буркас (Βούρκας).

с одноименной с ними рекой. Остается отыскать положение последней. На основе тщательного изучения северной части Черноморского побережья, эту работу выполнил Ф. Брун, который пришел к выводу, что р. Мизиг или Брухонт есть не что иное, как р. Мзымта [21, с. 9 и табл.]. А.Н. Дьячков-Тарасов думает, что Мизиг и Брухонт — разные реки: первую он усматривает в р. Мзымта, а вторую отождествляет с р. Хостой [61, с. 43]. Как бы то ни было, но для нас ясно одно, что брухи, возможные предки убыхов, в первые века н.э. жили в районе, близком к позднему их местоположению в XIX в. Во времена безымянного автора побережьем моря в районе р. Брухонта владел народ саниги, а так как мы не имеем данных для отождествления последних с брухами-убыхами, то мы должны согласиться с мнением Дестуниса и особенно А.Н. Дьячкова-Тарасова, что брухи жили в горах, владея лишь верховьями р. Мзымты. После сведений Прокопия убыхи опять тонут во тьме истории, и проходит целых одиннадцать веков, пока до нас доходят новые данные об этом народе. В продолжение этого длинного периода к нам не попадает ни одного исторического известия, которое мы, не сомневаясь, могли бы отнести к убыхам. Лишь смутные намеки на последних находим в XII в. в описании путешествия Иоанна де Плано Карпини. Перечисляя покоренные татарами народы, он говорит, что среди них находятся и «брутахы, которые суть иудеи» [75, с. 36]. В другом месте Плано Карпини, перечисляя народы, живущие на юг от Комании среди алан, чиркасов (т.е. черкесов), хазар, греков, иберов, кахов, цикков (тоже черкесов), георгианов, армян и турок, опять упоминает их: «Брутахии, которые слывут иудеями — они бреют голову» [75, с. 50]. Ср., между прочим, слова М. Селезнева об убыхах: «Совершенные евреи, но только с бритой головой» [133, кн. 3, с. 9]. Но, несмотря на относительную тождественность их имен с брухами, мы очень мало имеем права ставить между ними знак равенства, хотя Ф. Брун указывал именно на брутахов Карпини, а не на брухов Прокопия, как на возможных насельников берегов р. Брухонта [21, с. 9].

В литературе нередко можно встретить попытки доказательства аланского происхождения убыхов. Действительно, имеется ряд свидетельств о пребывании в горах каких-то алан. Еще Прокопий говорил о брухах, как о соседях алан (см. выше). У более поздних авторов встречаются указания об аланских поселениях в горах Западного Кавказа. Опуская известия, касающиеся современных Кабарды, Балкарии, Карачая, мы упомянем лишь те, которые могут быть интересны для нас. Так, в 1654 г. Арканджело Ламберти, говоря о северных соседях Мегрелии, кроме абхазов, сванов, карачаевцев, джиков и черкесов, знает и алан [88, с. 2]. Но в этом источнике еще неясно указано их местоположение. Царевич Вахушт в конце XVIII в. в своей «Географии Грузии» указывает страну Аланию на запад от Свании [27, с. 86]. В 1803 г. царь Соломон (имере-

тинский) в одном своем письме говорит, что Григорий Дадиани «был князь моего царства, отложился от меня и соединился с беззаконными абхазцами, сванами, джихами и аланами» [6, т. II, с. 341]. Мегрельская владетельница Нина в письме на имя Александра I от 8 июня 1808 г. называет непокорными соседями абхазов, джихов и алан [6, т. III, с. 203]. А турецкий путешественник XVII в. Эвлия Челеби упоминает «коллено арлан» с гаванью Лачига [22, с. 14]. У абхазов сохранилась скороговорка: *arlanaa ran laltarra* — «ольховая роща матери (семейства) Арланаа». Возможно, что эти арлан являются также одним из западно-горных аланских отложений. В XVIII в. М. Пейсонель регистрирует где-то на востоке Черкесии племя толани (*Tolani*) [121, с. 19], что также, на наш взгляд, следует поставить в связь с аланами. Уже в XIX в. Л. Люлье констатирует, «что поныне существует у убыхов одно племя, носящее имя алань» [95, с. 14]. По словам Ушакова, «изучая убыхский язык и собирая распросами стариков предания о старине, Бенедиктсен выяснил, что часть убыхов и поныне именуется себя аланами» [38, с. 57]. Подобные неясные намеки не раз соблазняли исследователей (Я. Потоцкий, Л. Люлье, П. Услар, П. Черняев, А. Лещенко). Они говорили об отложении аланского слоя в убыхской общественности, как о проблеме, которая может быть разрешена лишь детальным изучением языка убыхов. Но были и такие, которые из проблемы делали аксиому. Такого мнения придерживались Ушаков и, будто бы, Л. Лопатинский [38, с. 57]. Ни А. Дирр, ни Ж. Дюмезиль не привезли из Малой Азии никаких сведений об «убыхских аланах». Все, что нам известно на сегодняшний день из убыхского языка, не позволяет говорить об аланском происхождении убыхов. Но нам кажется, что часть алан могла осесть и ассимилироваться в западной части Кавказских гор, в том числе и в Убыхии.

В различные времена границы Убыхии не были постоянными. Для формирования особого языка в окружении родственных племен необходима многовековая обособленность. По этой причине мы считаем, что убыхский язык мог оформиться на территории между Гагринским хребтом и одним из водоразделов на запад от р. Шахе. На этом пространстве, благодаря его действительной обособленности, с одной стороны, и срединному положению между двумя разноязычными коллективами (черкесы и абхазы) — с другой, и мог оформиться убыхский язык. Заметим, что еще в XIX в. отдельные авторы подчеркивают недостаточную связь асадзуа-убыхской территории с соседними Абхазией и Черкесией [6, т. VIII, с. 768; 143, ч. I, с. 69], хотя признают существование более тесного общения между Асадзуа и приморскими жителями Абхазии [6, т. VIII, с. 858; 143, ч. I, с. 43], что можно объяснить лишь традицией племенных связей. Так как XIX в. застал убыхский язык уже вытесняемым языками соседей, мы вправе предполагать, что когда-то он объединял собою

значительно более широкий коллектив. И мы думаем, что именно этот коллектив, объединенный особым языком, грузинские источники приблизительно до XVI—XVII вв. именуют джикетами, т.е. (без грузинского окончания) джиками, джихами (ჯიქა). Без подобного предположения нам непонятен тот факт, что старые кавказские писатели, не замечая особой народности — убыхов, в то же время упорно прослеживают разницу между юго-восточными и северо-западными абхазами, когда такое разграничение последних в те далекие времена не имело еще под собою достаточного основания. Из таких свидетельств о Джикетии упомянем некоторые. Есть документы, говорящие, что Джикетия (как и Абхазия) в свое время служила для греков местом ссылки [44, с. 9]. К слову заметим, что память об этом до сих пор сохранилась у черноморских шапсугов [86, с. 129].

В VI в. Джикетия временно (очевидно, и номинально) подпадает под власть грузинских царей. Так, в 781 г. в составе грузинского государства значится, кроме абхазского эриставства, еще и джикетское, которое будто бы простиралось от моря до Хазарской реки (Кубани) [27, с. 908]. Бесконечные военные столкновения между грузинами и северокавказскими горцами, которых зачастую использовали в своих целях различные группировки грузинской знати в междоусобицах, не проходили, конечно, без участия убыхов-джихов. В 1390 г. грузинский царь Давыд-Вамек предпринимает ответную грабительскую экспедицию «в Аланет и Джакет» [162]. В 60-х годах XVI в.

Рис 7. 1) Ubych 2) Dshighett 3) Grieche 4) Abasech
5) Turk von Handelskolonien an der Tscherkessenkuste.
(Убых, джигет, грек, абазех, турок в колониальной торговле на черкесском побережье)

Георгий Дадвани, «пригласив на помощь абхазцев, джиков и черкесов, напал на брата своего Мамия, но был разбит и убежал в Абхазию» [43, с. 56]. Один из авторов на основе анализа образцов языка Садша, т.е. асадзуа (джикетов — в позднейшем понимании), в записи Эвлия-Челеби в XVII в. доказывает, что еще в то время они говорили именно на убыхском языке. Он прибавляет: «Если принять во внимание интересный параллелизм названий асадзуа (абх.) — садзен (национально-джигитский?...), ардба (абх.) — ардлер (тур.) — ардона (национально-джигитский), станет вероятной первичная принадлежность джикетов — садзен к убыхам, с последующей сильной абхазизацией». Абхазские эмигранты, постепенно просачиваясь за Гагринский хребет в Убыхскую Джикетию, стали называться населением собственно Абхазии — жителями Джикетии и, в конце концов, джикетами. И с постепенным вытеснением убыхов (вернее, языка их) на запад за р. Мзымту и дальше, термин джикет окончательно закрепляется за пришлыми абхазами Джикетии и ее абхазизированным убыхским населением.

В течение длительного времени из Абхазии и Черкесии к убыхам переселялись все, кто в силу тех или иных условий должен был покинуть родные селения. И напрасно в факте абхазской миграции на северо-запад видят причину одного лишь недостатка земли. Автор анонимной заметки «Абхазцы (Азегга)» приводит характерный для этого факт: «Жители селения Эмха (Абхазия. — Л.Л.), узнав, что владетель без их ведома передал повинности их Кацо Маргани, послали анхае Эбжиноу к джикетам просить приюта и вслед за этим все население направилось за р. Бзыб. Уговоренные стариками <...> они возвратились <...> но только тогда, когда Кацо Маргани <...> дал обещание, что права жителей ни в чем не будут нарушены» [1, с. 11]. Л. Люлье и Ф. Торнау правильно видят причину абхазской миграции на северо-запад, кроме недостатка земли, и в других социально-экономических факторах, как, например, внутренние раздоры и кровомщение [95, с. 9; 143, ч. I, с. 113]. История Кавказа знает многочисленные случаи побегов в Асадзуа из Абхазии (более доступной в свое время для изучения, чем Черкесия). Об Убыхии тоже можно сказать, что это был край «горского казачества», как характеризует М. Каменев соседнюю Абдзахию [13; 60, с. 12–13]. Притеснения абхазских ах, черкесских пши и пр., власть которых широко развивалась в низинных частях Кавказа, экономические факторы (недостаток земли), неполадки с соседями и кровная месть были причиной абхазской и черкесской иммиграции в Убыхию, которая и привела к смешению убыхов с пришлыми элементами и была одной из причин разложения языка убыхов. Причем не обходилось и без актов обоюдного насилия между аборигенами и новыми пришельцами, которые со временем объединялись в значительные общества. Границы убыхо-черкесская и убыхо-абхазская

в разные периоды подвергались значительным колебаниям. Так, абдзахские предания говорят о пребывании абдзахов в Убыхии [96, с. 17–18; 60, с. 9]; Эвлия Челеби в XVII в. застал бжедугов в районе позднейшего Хизе; убыхское общество Хамыш на р. Хосте невольно напоминает собою такое же название одного из двух подразделений бжедугов. Еще в XVI в. Иосафат Барбаро знал на побережье страну Кремух с «князьями» Биберди [10, с. 44–45], которые известны нам в числе абазинской знати. Е.Д. Фелицын приходит к выводу, что Кремух должен был находиться в районе р. Сочи, т.е. в Убыхии [156, с. 17–18]. Между прочим, название асадзуаского общества и фамилии Бага, как и абазин-баговцев, известно еще со II в., когда этим именем назывался противоположащий асадзуаскому одноименному обществу мыс Бага (*Вага*), хотя в данном случае мы считаем это не доказательством древнего пребывания абхазов в Убыхии, а переходом территориального названия в племенное абхазское. Что касается многочисленных утверждений о распространении в свое время пределов Абхазии далеко до самой Кубани [38, с. 207 и др.], то все это является мифом, как приходилось указывать, основанным на неправильном понимании абазы [86, с. 131–132]. Не отрицая генетической [связи] термина абазы с тождественной этнической номенклатурой Западного Кавказа, мы считаем, что термин абазы со временем стал обозначать собою население побережья на северо-запад от Абхазии, независимо от первоначальной племенной принадлежности.

Мы склонны считать, что после абхазского движения на северо-запад настал обратный процесс наступления убыхов на абхазских пришельцев, процесс точно так же не только мирного проникновения, но и военных захватов. И, кажется, не будет ошибкой, если мы предположим, что абазы покинули Убыхию и переселились на северную сторону Главного хребта не из-за одних экономических выгод Северо-Кавказской равнины. В XIX в. убыхи держат себя по отношению к асадзуа не как слабая сторона, а наоборот. Около 1800 г. они силой захватывают асадзуаское селение Мутыхуаса и в течение всей Кавказской войны держат асадзуа в постоянном страхе перед собою. В результате такого этнического чередования и сложилась та двойственная географическая номенклатура, о которой говорит А. Н. Дьячков-Тарасов [61, с. 78]. Здесь же кроется причина и того, что убыхи, абхазируясь, оказывали и обратное влияние, в том числе и на язык даже бзыбских абхазов [1, с. 13–14].

Во время господства генуэзской торговли на Черном море и основания генуэзцами колоний (Севастополис, Анакрия, Мана, Матрига, Копа) убыхи тоже должны были быть втянутыми в их торговлю. В это время генуэзцы основали в Убыхии свои фактории возле устьев рек Шахе и Псахе. Первую еще знал Эвлия-Челеби [22, с. 18], а Новицкий передает в 1829 г., что там видны «развалины строений; иногда находят древние

монеты и медали, признаки жилищ народов образованных» [111, № 22]. Дж. Белль, осмотревший руины в 1838 г., говорит, что крепость имеет с одной стороны обрыв, а с трех остальных — каменные стены с известью. Высота стен от 12 до 20 футов. Две башни заканчивались шпицами. Сама крепость разделена на две равные части. По мнению самого Дж. Белля, большая часть служила крепостью, а меньшая — рынком [13, s. 364]. Развалины второй (так называемой, Мамай-кале) были обследованы В. Сизовым. «Постройка из дикарей, тщательно разобранных, правильные архитектурные линии; ниши из подтесанных камней, а также общий вид крепости — все это заставляет предполагать, что строители крепости были византийцы или генуэзцы. Вероятно, крепость эта могла служить защитой торговой фактории <...> Я получил сведения от местного старожила <...> что на восток от Мамай-кале он сам видел следы древнего поселения, состоящие из стенок домов, хорошо сложенных из камня, и занимавшие большое пространство» [134, с. 6–7].

На итальянских компасных картах XIV–XVI вв. фигурируют за Гаграми (сасагу, shahary, sasari): р. Мзымта (Abcazia, Avogassia), село Лейуш (Laiazo, aiaco, layazo, ayaso, laiaço, laiaco, aiaço, aiazo, Lagasso), которое застаёт еще Эвлия-Челеби, р. Хоста (costo, gusto, custo) и, кажется, мыс Жообзе (guba, Cuba, chuba, cavo de cubba, co de Cubba, cavo de coba) [21, табл.]. Генуэзцы, импортируя в горы те же товары, что и турки, вывозили оттуда: рабов, высокосортные меха, кожи, шерсть и, главным образом, воск, на который в те времена был большой спрос церквей и монастырей. Кавказский воск, хотя и был худшего качества, чем фракийский, но привлекал купцов своим обилием и дешевизной [166, с. 96, 99, 101, 102]. Генуэзский торговый капитал, в качестве идеологического воздействия на горцев, наверное, продолжал на Кавказе христианизаторскую политику Византии. Но примитивизм общественных отношений в Убыхии не благоприятствовал внедрению религии классового общества. Правда, в соседнем Цандрипше (в асадзуа) известны руины одного из храмов, но подобные очаги чуждой религии были нежизненны и не могли иметь влияния на окрестное население. Уварова, проехавшая верхом всю бывшую Черноморскую губернию «вдоль и поперек», замечает, что «памятников христианского искусства в полном понимании этого слова почти нет в этом округе» [144, с. 5–6].

Иоанн Луккский в 1625 г. считает Черкесию до Кудесчио (Cudescio), т.е. до одного из позднейших мысов Кодеш. Но Абхазия начинается не сразу за последним, а лишь отступя 140 миль. В стране абхазов, по его словам, текут две реки: Soutesu и Subasu. Вторую из них русский переводчик Луккского считает Субешхом, а первую — Суук-су (т.е. Шуюк). Нам же кажется, что речь идет не о Суук-су, а о значительно большей реке — Сочи. Таким образом, убыхи-абаза у него также были спутаны с

абхазами. Об этом крае Иоанн Луккский передает следующее: «Страна эта очень приятна <...> Леса служат им убежищем и заменяют города» [162, с. 488–489, 492]. С последним замечанием еще в XIX в. нам постоянно приходится сталкиваться. Спустя 9 лет после Луккского итальянец Эмиджио Дортелли д'Асколи констатирует факт широкой торговли на Кавказском побережье. На юго-восточном крае Черкессии он упоминает какой-то порт Аббазу (Abbasa), лежащий в 40 милях от Дервена (Derven) и в 50 милях от Маматалы (возможно, одна из известных Мамай-кале, как думает и комментатор Бертье-Делагард [9, с. 157, 460]). Последний предполагает, что название народа абазы д'Асколи спутал с портом и дальше рассуждает: «С конца XVII в. на картах появляются <...> вместе с Мамай-кале, но несколько севернее, большой город с крепостью. Этот город и порт <...> носит имя, подходящее к искомому: Abassike, Batan-Abasse, Wetan-Abasa, просто Betan; наконец, позже — Verdan, Vardon, Wardan, а на карте Шардена — Abassa Bender». И на основе этого Бертье-Делагард видит в нем Вордане, «где еще находятся развалины; тут же и мыс Уч-дере, прежде называвшийся Жообже, который <...> на тех старых картах <...> Зури». «Здесь на побережье, — продолжает он, — все места одинаково негодны <...> Какое-нибудь горское племя, или князек-владелец, приобрели почему-нибудь особое засилье; к его именно берегу, к его речке направится наиболее и торговля потому, что там всего больше явится главного товара — рабов; ослабели значения чисто личные — исчезал или изменялся и порт, так же просто и быстро, как и образовался, оставляя после себя лишь пустой звук в имени, не всегда приурочиваемом» [9, с. 160–161]. Действительно ли Аббаза была в районе Убыхии? Прежде всего, следует подчеркнуть большую путаницу у д'Асколи с определением местоположения Аббазы. Так, в другом месте он говорит о последней, как о самом пограничном с Мегрелией пункте. Кроме того, мы не можем согласиться с Бертье-Делагардом еще и потому, что Аббаза, равнявшаяся лишь Азову, фигурирует у д'Асколи в числе крупнейших торговых центров, перед которыми тускнели другие центры Абхазии, Мегрелии и Черкессии [9, с. 100–101]. Нам кажется, что речь идет об одном из абхазских пунктов.

Через семь лет после записей д'Асколи по побережью проехал турок Эвлия-Челеби, оставивший ценные материалы для истории этого района. Он не знает крупного центра, подобного Аббазе, что окончательно укрепляет наше недоверие к сообщению д'Асколи. Дадим реестр пунктов и племен побережья у Эвлия-Челеби с параллельной интерпретацией.

Гавань Лакия (Сухуми), племя арлан (о нем см. выше), племя горских чандов (رلادناچ) с гаванью Кокур или Какар (رقاق) и селом Хаке; великие Чандалар (Цандрипш), «настоящий рай» земля племени кеч (رليچك), арт

(رلنرأ) на север от них Садша (هشدهد) — асадзуа, принадлежащее Сиди-Ахмед-паше¹⁰; жители Садша хорошо говорят как на абхазском, так и на черкесском языке; их 7000 храбрых мужей причисляются к черкесам. Абхазы и черкесы (т.е. асадзуа), хотя не доверяют друг другу, но стараются оставаться в приятных отношениях ради торговли невольниками и воском, которую производят в пристани Артской [22, с. 16]. Из всех горских племен «самые лучшие и храбрые суть садша» [22, с. 20]. За Арт следует Камиш (شماق) — Хамиш или Хоста, которое известно в XIX в. как одно из убыхских обществ. Их 10 000 храбрых мужей «неоднократно поражали племя Арт и пленили их беков: ибо абхазы (все они, по мнению автора, абхазы. — Л.Л.) крадут детей одни у других, и человек, который у них не занимается воровством и грабежом, считается плохим товарищем, так что не выдают за него дочерей своих. В горах камышинских разводят свиней величиной с осла; пристань не посещается ради буйного характера народа». Эвлия-Челеби говорит, что есть там базар и даже мечеть. Следующее общество — Сочи (رلهجوسد), — которое населяют 10 000 храбрых мужей. «У них мало домов по причине скалистой почвы; есть пристань <...> Не имея ни базара, ни постоянного двора, ни бани, ни мечети, они не знакомы с обычаями образованных народов. Деревни их состоят из 40 или 50 домов, находятся в горах. Суда из разных стран привозят им порох, свинец, ружья, стрелы, луки, мечи, щиты и другое оружие, старую обувь, куски сукна, полотна бакасин, котлы, рыболовные крючки, соль, мыло и другие товары, которые вымениваются без посредства денег на рабов, масло, воск и мед» [22, с. 17]. На месте позднейшего Вордане Челеби указывает общество Джембе (هجمبج), которое могло выставить до 2000 вооруженных воинов. Где-то в районе Хизе он находит буздук (قودوزوب), т.е. бжедугов, которых делит на черкесских и абхазских. О жителях Осувейш (شيووسوا) — субешх — он замечает, что они «делают лук и стрелы; бек их имеет под своим начальством 3 тысячи человек вооруженных ружьями». Здесь есть пристань и развалины старого замка. Жители Осувейш хоронят своих покойников на деревьях. За Осувейш идут ашегили (ىليغشنا) — р. Аше, суук-су (وصقووصد) — р. Шуюк), кутаси (ىساتوق), которые будто бы являются последним абхазским (читай — абазским) племенем. За ними живут черкесы жане. Кроме этих племен и обществ, Эвлия-Челеби относит к абхамам (опять-таки здесь не одни абхазы, а абазы вообще) следующие общества, обитающие в горах: Пеху — 7000 буйных мужей, Ахчипси (ىسپچخا) — 10 000 чел., Беслеб (بالسب) — башилбаевцы — 7500 храбрых, Багри (سرغاب) — Багрипш; у Ф. Бруна здесь Чаграй (Jaghra) — шахгиреевцы — 800 слабых мужей, Химакорес (سروقاميدخ) — Ясхрипш (?) — 3000, Маджар (راجام)

¹⁰ По мнению R. Bleichsteiner'a, это Сочи [18, s. 86], но спрашивается — почему же у Челеби существует другой термин для бесспорного Сочи?

اڤ) — Мдажвюе — 2000 чел., Пайхаришир (رشراخيياڤ) — Паншерипш — 4000 чел., Ала-Корейш (شيرفلا) — Гагрипш (?) — 500 чел., Мукеллебе (مكلم) — Микельрипш — 500 чел. и Вайпига (واڤيڤي) — убыхи [22].

А.Н. Генко делает попытку расчленил Вайпиг на «вай» и «пиг», причем в первом он видит черкесское общество Гуае или Вайя, как записал Дж. Белль; а во втором — самоназвание убыхов (пэж). Соглашаясь с последним, мы не можем принять интерпретацию первой части, так как не видим основания подобного соединения — это во-первых; во-вторых, племени вайя, как записал вообще плохо разбиравшийся в кавказской фонетике Дж. Белль, никогда не было, а известно было до 1864 г. среди черкесов общество Гуа (гъуазэ).

Заметки Эвлия-Челеби интересны для нас еще и потому, что они дают нам в руки наиболее ранние сведения о языке убыхов, правда под маской «языка садша абхазов». Приведенные автором заметок образцы этого языка расшифрованы с помощью убыхского [18, s. 86–87, 110–116, 125–126]. Только со времени Эвлия-Челеби мы впервые твердо чувствуем себя на убыхской почве.

Арканджело Ламберти в своем «Описании Колхиды» в 1654 г. среди соседей Мегрелии упоминает абхазов, сванов, алан, карачаевцев, черкесов и джихов (Gihi), как по традиции все еще называли в то время закавказцы и убыхов. «Все они, — говорит он, — именуются христианами, но живут без законов и занимаются охотой и грабежами. Разнообразие их наречий и языков удивительное» [88, с. 2]. В другом месте он говорит, что «в стране абхазов и джихов стоят прекрасные храмы, выстроенные в грузинском стиле, и с книгами, написанными на грузинском языке» [88, с. 9]. Но в последнем сообщении Ламберти напрасно упоминает неповинных в христианстве джихов. Через четыре года после него (в 1658 г.) будущий патриарх Досифей, побывав в Джикетии, не нашел там ничего подобного [133, кн. 1, с. 12–15].

Царевич Вахушт помещает Джикетию на запад от р. Каппетис-цхали между морем и главным хребтом; таким образом, туда попали не только убыхи и джихи-асадзуа, но и некоторые черкесские племена. «Страна эта всецело подобна Абхазии, — говорит он, — плодородием и фауной, установлениями и обычаями; но люди в большинстве звероподобны. Первоначально они были христианами, но ныне не знают более своей прежней веры» [27, с. 235].

Все пространство, определенное Вахуштом как Джикетия у М. Пейсонеля (1750–1762) попало в Абхазию, которая начинается, по его мнению, от Суджук-кале (т.е. Новороссийска) и кончается грузинской границей.

М. Пейсонель также подчеркивает наличие в его время крупных торговых оборотов на черноморском побережье Кавказа. Многочисленные

торговые корабли приставали и к заведомо убыхским центрам: Субешх (Субаши), Вордане (Варвир), Мамай, Сочи (Джуджи), Хоста (Хош) [121, с. 29]. Главными импортными товарами являлись: соль, сафьян, железные изделия, оружие и мануфактура. Экспортировались: буксовое дерево, воск, меха и, особенно, рабы [121, с. 30]. «Я знаю только, что едва ли существует в целом мире страна, где торговля была бы настолько прибыльна, как в Абазии» — восклицает М. Пейсонель [121, с. 31].

Убыхия перед столкновением с царской Россией

Меновые отношения все больше и больше внедрялись в экономику побережья. Охота за рабами и работорговля углубляли имущественное и правовое неравенство населения. Некоторые роды, очевидно, задолго до этого стали в положение привилегированной племенной знати. Мы не знаем внутренней обстановки в Убыхии к концу XVIII в., но, без сомнения, происходила там напряженная борьба между племенной знатью и свободными общинниками. Это было то же самое и одновременно с тем, что имело место в Шапсугии, где эта борьба привела к известной Бзюкской битве 1796 г.

Мы не осведомлены о настоящих причинах народного взрыва, но легко догадаться, что главной из них была тенденция знати к дальнейшему укреплению своей экономической и политической гегемонии над вольным народом. Особенно большого напряжения достигли противоречия в среде шапсугов и натхуаджей, где общественный строй был сложнее убыхского. Самому взрыву, очевидно, предшествовал ряд столкновений между черкесскими тлхукотлями и убыхскими вагышами, с одной стороны, и черкесскими уорками и убыхскими куашиха — с другой. Вторые имели поддержку в среде племен с развитой сословной иерархией: бжедугов, чемгуев, махошей; об этом сохранились смутные абдзахские и шапсугские предания [73; 86, с. 128–129].

Первыми совершили переворот абдзахские тлхукотли, лишившие свою племенную знать привилегий. От абдзахов движение перебросилось к шапсугам и натхуаджам, где также в начале 1790-х годов уорки и пши лишились былых привилегий. Натхуаджская знать вынуждена была примириться до поры до времени. Шапсугский пши Шеретлуко отправился к Екатерине II просить военной помощи против своего народа. Царица приказала черноморским казакам оказать просимую помощь. И вот в 1796 г. на р. Бзюко (около ст. Новодмитриевской) произошла знаменитая в истории Западного Кавказа битва: по одну сторону были шапсугские тлхукотли, очевидно, не без абдзахов и убыхов, по другую — племенная знать шапсугов, бжедуги и черноморские казаки. Тлхукотли потеряли до 4000 человек убитыми и ранеными, но в бою был убит вождь